

Линь Юнь не просыпалась с прошлого вечера, а к утру у неё начался сильный жар, губы потрескались, а лицо стало бледным, что вызывало беспокойство и жалость. Когда Ся Хань приказала взломать дверь, она увидела именно такую Линь Юнь.

Честно говоря, даже прожив вместе около месяца в качестве «мужа и жены», их отношения не были особенно близкими. Ся Хань всегда держала своё сердце закрытым, и только после событий прошлой ночи имя «Линь Юнь» действительно оставило след в её сердце. Особенно сейчас, когда она чувствовала себя виноватой, увидев Линь Юнь в таком состоянии, даже самое холодное сердце не могло не смягчиться.

Ся Хань быстро подошла к кровати, чтобы осмотреть Линь Юнь, её красивые брови невольно нахмурились, и она тут же повернулась к Цандун, которая выглядывала из-за двери:

— Быстро принеси холодной воды и приготовь лекарство от жара.

В древнем храме не было лекарств, но в их повозке был запас. Цандун согласилась и убежала, вскоре вернувшись с тазом холодной воды и белой салфеткой. Ся Хань протянула руку, чтобы взять салфетку, но Цандун уклонилась:

— Госпожа, вы сами больны, не трогайте холодную воду, позвольте мне.

Однако Ся Хань не послушалась, она взяла салфетку, сложила её в квадрат и положила на лоб Линь Юнь, затем сказала более мягким тоном:

— Ладно, тебе здесь нечего делать, иди готовь лекарство.

Затем, чтобы Цандун не забыла, добавила:

— Приготовь две порции, у меня тоже жар, мне тоже нужно выпить.

Цандун больше не колебалась, поставила таз с водой и поспешила за лекарством.

Охранники ушли сразу после взлома двери, теперь Цандун тоже ушла готовить лекарство, и в скромной комнате остались только Ся Хань и Линь Юнь. Салфетка на лбу Линь Юнь ещё не нагрелась, и Ся Хань на время осталась без дела.

Она постояла некоторое время, осматривая комнату, сначала взглянула на беспорядок, оставленный разбойниками накануне вечером, а затем остановила взгляд на окровавленной одежде, которую Линь Юнь бросила в сторону. Немного подумав, она подошла, взяла белую руку и подняла разбросанную одежду. Развернув её, она увидела пятна крови и разрывы, свидетельствующие о ранениях, которые Линь Юнь получила прошлой ночью.

Ся Хань выросла в семье, где её баловали, но она никогда не сталкивалась с опасностями, подобными вчерашней, и никто никогда не получал за неё таких ранений! Поэтому, глядя на следы на одежде и вспоминая, как Линь Юнь защищала её прошлой ночью, она не могла не почувствовать волнение.

Посмотрев некоторое время, она аккуратно сложила повреждённую одежду и положила её в сторону. Когда Ся Хань снова посмотрела на Линь Юнь, в её глазах, помимо волнения, появилась тревога — одежда была повреждена в четырёх или пяти местах, значит, и тело Линь Юнь было ранено столько же раз. Это были не мелкие ранения, прошлой ночью Линь Юнь злилась на неё, использовала ли она данное ей лекарство? И связано ли нынешнее состояние с этими ранами?

В мгновение ока Ся Хань передумала множество раз, она снова подошла к кровати Линь Юнь, проверила температуру салфетки на её лбу и, обнаружив, что она нагрелась, снова намочила её в воде и отжала. Когда она снова положила салфетку, она случайно коснулась лица Линь Юнь и почувствовала, что кожа была нежной, как у женщины, и при этом была горячей!

Не успев подумать о других подозрениях, Ся Хань ещё больше обеспокоилась состоянием Линь Юнь. Она потрясла её за плечо, пытаясь разбудить, но безрезультатно — Линь Юнь продолжала спать без сознания.

Ся Хань, не имея опыта ухода за больными, да и условия в храме были крайне скромными, осмотрелась и нашла ещё одну салфетку, намочила её и начала протирать лицо и шею Линь Юнь, пытаясь хоть немного снизить температуру.

После того как она протерла лицо Линь Юнь, Ся Хань взяла её руку, но на этот раз салфетка не опускалась сразу — раны Линь Юнь были на теле, скрытые одеждой, и только повреждённая ладонь была открыта. Это ранение было не таким серьёзным, как другие, но для Ся Хань оно всё равно вызывало чувство вины и благодарности.

Рука с салфеткой сжалась, затем разжалась, и наконец салфетка медленно опустилась, аккуратно очищая рану, которую Линь Юнь не обработала прошлой ночью. Ранка уже покрылась тонкой корочкой, и тёмно-красный цвет выделялся на её бледной коже.

Ся Хань смотрела на руку, которая защитила её от смерти, и в её сердце смешались разные чувства. Через мгновение она подняла взгляд на лежащую без сознания Линь Юнь и тихо сказала:

— Прости.

На этот раз с ещё большей искренностью.

Условия в комнате были скромными, и Ся Хань использовала все возможные способы, чтобы снизить температуру Линь Юнь. Однако, несмотря на все усилия, она сама вспотела, и её собственный жар постепенно прошёл, а высокая температура Линь Юнь не снизилась ни на йоту.

Ся Хань, конечно, не знала, что прошлой ночью Линь Юнь вернулась, полностью измотанная. Она не обработала раны должным образом, не приняла никаких мер предосторожности, даже не высушила мокрые волосы и просто упала на кровать. Даже для крепкого мужчины такие действия могли бы закончиться болезнью, не говоря уже о её нынешнем слабом теле!

Сейчас Ся Хань была полна тревоги, она снова проверила температуру Линь Юнь, положив руку на её лоб, и почувствовала, что та всё ещё горячая. Она не знала, как долго Линь Юнь была в жару, но если это продолжится, она боялась, что та может сгореть.

С такими мыслями Ся Хань, сменив салфетку на лбу Линь Юнь, подошла к двери, надеясь, что Цандун скоро принесёт лекарство.

К сожалению, Цандун не так быстро приготовила лекарство, и Ся Хань трижды выходила к двери, но так и не увидела её. С досадой она вернулась в комнату, постояла у кровати и наконец решила сесть на край.

Салфетка на лбу Линь Юнь была только что заменена, и временно беспокоиться было не о чём, все возможные способы снижения температуры Ся Хань уже попробовала, но безрезультатно.

Она больше не знала, что делать, поэтому просто села у кровати, смотрела на Линь Юнь и охраняла её — это была ситуация, которую Ся Хань никогда не могла представить раньше, но когда она действительно сидела здесь и смотрела на спящую, чувства были куда сложнее, чем она могла вообразить.

Возможно, это был первый раз, когда Ся Хань внимательно разглядывала Линь Юнь. Она видела, как та хмурится, как дрожат ресницы, как бледны губы... везде были признаки болезни, но нельзя было отрицать, что Линь Юнь была действительно красива. И хотя они были одного возраста, Линь Юнь выглядела моложе, как подросток лет пятнадцати-шестнадцати, с андрогинной внешностью, изящной и необыкновенной.

Смотря на неё, Ся Хань начала отвлекаться, в её голове невольно всплыло другое лицо — прекрасное, полное жизни, то, что она хранила в своём сердце более десяти лет.

Ещё молодая, она думала, что впереди много времени, но как она могла знать, что жизнь непредсказуема, и в итоге она могла только сожалеть.

Ся Хань внезапно закрыла глаза, успокоилась на мгновение, чтобы подавить печаль, поднимающуюся в сердце. Последние полгода она часто грустила, часто жалела себя, но сегодня это было невозможно, она должна была заботиться о том, кто пострадал ради неё, и не могла позволить себе погрузиться в печаль.

Чтобы вернуть внимание к Линь Юнь, Ся Хань снова намочила салфетку и начала протирать её лицо и руки. Однако, сколько бы она ни протирала, состояние Линь Юнь не улучшалось. В храме не было даже крепкого вина, и холодная вода не помогала. Наоборот, после долгих усилий состояние пациента на кровати стало ещё хуже.

Да, Линь Юнь, которая всё это время спала без сознания, наконец отреагировала на действия Ся Хань. Однако она всё ещё не открывала глаза, только хмурилась, то кричала от холода, то от жары, а чаще всего от боли.

Линь Юнь (с закрытыми глазами):

— Ранен, обижен, нуждаюсь в поцелуях и объятиях жены, чтобы встать!

Ся Хань (с сочувствием):

— Хорошо, хорошо, поцелую.

Линь Юнь (...):

— Не просто говори, я ведь не проснулась, если можешь, действуй!

<http://bllate.org/book/16383/1482882>